

Даже в западном музыкальном мире, где молодость художника очень часто идет рядом с общеевропейским его признанием и это никого не удивляет, имя Жана-Мишеля Жарра стоит немного особняком. Прежде всего потому, что музыка этого композитора очень популярна. Но еще и по той причине, что именно Жарр был первым из французских музыкантов, посетившим, например, Китай после смерти Мао Цзэ-Дуна... Во всяком случае с такого представления начинается интервью с композитором журналист французского еженедельника «Пари-матч». Впрочем, само интервью посвящено совсем другой теме — речь идет о личной жизни Жарра, о его общеизвестной связи с актрисой Шарлоттой Рэмплинг, хорошо знакомой нам по фильму «Ночной портье».

Интервью перепечатывается с сокращениями.

Жан-Мишель Жарр —
Шарлотта Рэмплинг;

Преодоление депрессии

— Когда Мужчина и женщина с успехом путешествуют по низинам и высотам жизни, делая это с юмором, терпимостью и пониманием, между ними возникают отношения соучастников. Шарлотта выходит из долгого и тяжелого периода, она смогла совершенно исцелиться. И я думаю, что сегодня уже можно сказать — эту часть жизни мы прожили вместе.

— Вы оказывали вашей жене постоянную поддержку во время ее депрессии. Как вы сами это пережили?

— Мне пришлось разделить ее печали. Я старался держа-

ться с иронией и нежностью, в то же время всячески уважая ее достоинство. Я часто сравниваю жизнь с тысячелистником: каждый день, каждый ушедший год — это упавший листок...

— А как реагировали ваши дети?

— Борьба, которую вела их мать, способствовала их зрелости и еще усилила свойственное им чувство сплоченности. Как говорит сама Шарлотта, такая борьба необходима. Она, мне кажется, полагает, что каждое человеческое существо должно пройти через опыт, — это обогащает.

— Какова «новая» Шарлотта, вернувшаяся в свой дом?

— Человеческая сущность не меняется. Шарлотта осталась той женщиной, какой была. Она просто приобрела большую зрелость и чувство большей стабильности в жизни. Но самое важное то, что она сумела снова найти себя.

— После того, как в вашей жизни произошел этот разрыв, о своих правах заявила работа. Нуждаетесь ли вы, подобно вашей жене, во времени для раздумья, чтобы перейти от одного проекта к другому?

— Это самое главное. После каждого концерта меня охва-

тывает чувство страха, и я твержу сам себе, что никогда не смогу снова сыграть. Чтобы развеяться, мне совершенно необходимо обратиться к своему увлечению — баскетболу.

— Вас называли послом доброй воли в Год терпимости, объявленный ЮНЕСКО. Что это означает для вас?

— Я посол идеи... Терпимость — это динамичное и активное поле человеческой деятельности. Она призывает помогать ближнему в его трудностях, в осуществлении его права на существование. В преддверии 2000 года терпимость стала императивом, ведь

в терпимом климате все возможно.

Вот по всем этим причинам я и решил в течение ближайших двух лет вложить в это дело и телесные, и духовные силы.

— А роль музыки во всем этом?

— Именно посредством музыки я буду служить терпимости на всех пяти континентах начиная с 1995 года.

— Однажды вы сказали: «Будущее — это туман, который интересно исследовать...».

— Я и сейчас так думаю. Но мне не очень хочется знать, что там, в будущем. Это не

мешает мне иметь множество проектов и желаний...

— А кто заразил вас «вирусом коллекционирования»?

— Мой отец, к которому я был очень привязан. Это был гениальный изобретатель. Он, между прочим, сам сделал первый миксер и портативный проигрыватель. Это был в своем роде поэт и инженер. От него-то я и перенял свою страсть к технике, которая дарит мне лукавое удовольствие — отвлекает от работы.

— И ваш отец, какое место он занимает в вашей жизни?

— Я воспитывался матерью и до 18 лет виделся с ним очень редко. Он долго жил в Соединенных Штатах, и только в последние годы мы поняли, что нам «не хватало друг друга». Наши музыкальные маршруты иногда бывали одними и теми же, но, увы, никогда не получалось так, что наши поездки были в одно и то же время и в одни и те же страны. Недавно мы наконец-то почувствовали желание сблизиться и жить сообща. К счастью, было еще непоздно, и поныне наше согласие сохраняется целым и невредимым.

— Вы страдали из-за разрыва ваших родителей?

— Я пережил трудные моменты в жизни и, может быть, поэтому испытал внутреннюю потребность создать собственную семью. Тем не менее совместная жизнь — нечто второстепенное как для Шарлотты, так и для меня...

— Может быть, так и должно быть у прославленных артистов?

— Часто путают выбор и удачу. Удача подбрасывает вас вверх. Для меня это не самое главное в жизни. Когда я бросаю взгляд в прошлое, я признаю себе, что, хотя я прошел уже много, добрая часть дороги еще впереди.

Подготовил
Д. САВОСИН.